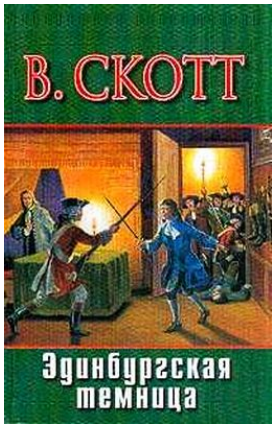
Автор: Administrator
14.01.2011 07:41



В духе эстетики романтизма историческое неотделимо для Скотта от национального. Он понимал, что общественные движения облекаются в национальные формы, которые придают окраску культуре, верованиям, образу мышления народов.

Признание ценности их векового социального опыта вытекает из особенностей историзма Скотта. Даже горячий шотландский патриотизм не мешал ему интересоваться другими странами и обычаями. Сталкивая на краю земли, в Аравийской пустыне, шотландца и сарацина («Талисман»), Скотт иронизирует по поводу их неумения понять друг друга. С характерной объективностью Скотт говорит, что из двух большую терпимость проявляет сарацин, который «чтит основателя христианской веры, хотя осуждает доктрины, сплетенные священниками», показывает относительность представлений, выработанных веками некритической мысли. В таком же свете рисует Скотт беседы презирающих друг друга саксонца и француза («Граф Роберт Парижский»). Любопытно, что в обоих названных романах каждый из антагонистов отказывается от осуждения другого, когда убеждается в его мужестве и благородстве. Национальное при всей его специфичности и многокрасочности выступает как оболочка, в которую заключена подлинная человеческая сущность. Поэтому доблестному норманну Ричарду I гораздо легче установить контакт со смелым и мудрым султаном, чем со своими «собратьями во Христе» — государями Европы, вместе с ним явившимися отвоевывать гроб Господень. Он даже готов выдать за мусульманского властителя свою кузину — набожную католичку и владетельную принцессу.

Автор: Administrator
14.01.2011 07:41

Задачей историка Скотт считает как обнаружение и раскрытие человеческой сущности во многообразии ее временной и национальной обусловленности, так и воссоздание характера и облика народа в целом, складывающихся из взаимодействия национального своеобразия и психологических особенностей индивидуумов и масс. Под таким углом зрения рассматривает Скотт столкновение между английской и шотландской армиями в 1745 г. («Уэверли»).